

Судьбы людские

...ВОСПЕВАТЬ ТРУД, КАК ТВОРЧЕСТВО, КАК ДОБЛЕСТЬ

ПИСЬМО пришло неожиданно. И сначала даже не верилось, что знаменитый композитор нашел возможность ответить на довольно смелую просьбу скромной студентки, участницы художественной самодеятельности Азербайджанского политехнического института — прислать ей ноты его «Школьного вальса», которые «нигде не удается найти».

Так зимой 1953 года, двадцать лет назад, завязалось знакомство бакинки Нины Никандровны Ивашкиной-Акимовой и Исаака Осиповича Дунаевского.

Переписка их чрезвычайно интересна. Понимая, как много значит его авторитетное слово, И. Дунаевский прежде всего много размышляет об искусстве, которому собирается посвятить свою жизнь его корреспондентка, и о песне, которой он практически отдал свою. Письма вводят в творческую лабораторию композитора, «открывают» его пристрастия и антипатии.

Примечательно, с каким тактом и какой энергией направляет он будущего архитектора, как стремится утвердить и развить у нее эстетический вкус. Может быть, поэтому так отточена фраза, так удивительно свежо, современно и сегодня звучат его мысли...

Побывав летом того же года в Москве и Ленинграде, Н. Ивашкина подробно рассказала о своих впечатлениях от поездки. И. Дунаевский вскоре откликнулся письмом. Он спорит со своим молодым оппонентом:

«Метро? Но я предпочитаю красоту надземную, а не подземную. Это хорошо Вам, приехавшей в Москву погладить ее да погостить. Вы станете рассматривать эти метровские прелести. А москвичи мчатся в сутолоке мимо всех этих мраморов и неержавеющих сталей... Поэтому я считаю, что огромные деньги, расходуемые на метро (на подземную красоту), в значительной степени тратятся зря. Надо было делать просто и удобно, а не наляпывать всю эту дорогостоящую мешанину».

— Позднее, при встрече, которая состоялась у нас через год, — рассказывает Нина Никандровна, — Исаак Осипович говорил, что хотел предостеречь меня от увлечения украшательством и потому

так резко писал о метро. Что же касается моих взглядов, то именно в этой части я по-прежнему с ним не согласна. Голый функционализм некоторых станций Московского метрополитена, построенных в шестидесятых годах, не вызывает восторгов. И не случайно сейчас вновь вернулся к практике привлечения для работ в метро наших лучших сил.

В этом отношении, мне кажется, весьма примечательно бакинское метро. Оно стало неотъемлемой частью архитектурного ансамбля нашего города.

Но в целом взгляды И. Дунаевского на творчество архитектора, особенно высказанные им в последнем письме, написанном незадолго до смерти, оказали на меня лично огромное влияние. Я получила его вместе с поздравлением об окончании института и успешной защите дипломного проекта...

«Понятие подлинной красоты приходит к человеку, пожалуй, одним из самых поздних элементов его эстетического кредо. Поэтому пусть Вас не смущают расхождения в наших оценках. Между мной и Вами лежит большая разница в годах и в жизненном наблюдении. Но вместе с тем Вы ведь не простой человек, а человек творческого труда, да еще такого, где красота (в отличие, например, от красоты музыки) является красотой, видимой всеми, красотой зримой и осязаемой. Поэтому красота архитектуры имеет непосредственное действие на человека-зрителя... Подлинная красота линий и форм заключается в... благородной простоте, а не в нагромождении красноты всяких побочных деталей. Я никогда не переставал удивляться тому впечатлению, которое производит на меня Ленинград всего классической архитектуры. Подходишь к совсем невысокому зданию. Вместе с тем ощущаешь огромную мощь этого здания... Я вовсе не за аскетическую архитектуру. Я и за красивые детали, за украшения. Но все это должно быть подчинено общей идее и задаче, а не главенствовать, чтобы поражать».

...Развитие, бесперывное совершенствование вкуса у художника является главной задачей его эстетического воспитания».

— Не удивительно, — продолжает Н. Ивашкина (кстати, сейчас она работает руководителем группы в «Азпромпроекте»), — что в своих работах я постоянно, так

сказать, оглядывалась что ли на письмо, оценивала им свой труд. И какие-то архитектурные идеи И. Дунаевского, особенно стремление к выразительности через простоту и гармоничность, мне кажется, — пусть в небольшой степени — удалось воплотить в проектах бумажной фабрики в Гуймазах, планировки жилых массивов в Иркутске и Хабаровске, административного корпуса завода керамических и дренажных труб в Али-Байрамлах, многоэтажного гаража на 650 машин в Баку...

КАК ВИДНО из писем, формальную сторону творческой работы И. Дунаевский ставит в прямую зависимость от идейных устремлений художника, от его умения все подчинить «главной задаче». Это была его принципиальная позиция, которую он твердо отстаивал.

Чрезвычайно точно характеризуют направленность творчества И. Дунаевского скупые строки статьи о композиторе в третьем издании Большой Советской Энциклопедии. «Важнейший этап в истории советского песенного творчества — песни Д., — говорится в ней. — Они полны оптимизма, веры в жизнь, в торжество человека свободного труда».

И действительно, весь смысл своей жизни И. Дунаевский видел в служении Родине, советскому народу. Впрочем, вот письмо, которое вводит нас в творческую лабораторию композитора. Поводом для него явилось неосторожное предложение Нины Ивашкиной написать песню об... архитекторах.

«...Теперь о Вашем предложении. Нет, Нина, ничего печальнее для песни, чем ограничение ее тематической жизни. Существует много десятков, а м. б., и сотен профессий. И в нашей стране любая из них наполняется вдохновением, гордостью свершений, творческим порывом. Я лично не являюсь поклонником того взгляда, что самый термин «творчество» одинаково должен пониматься у наменщика и архитектора, у композитора и оркестранта. Вы правы: строитель это еще не создатель. Или можно сказать так: исполнитель это еще не создатель. Это — бесспорно! Но творчество, как вдохновенное... осмысление трудового процесса прису-

ще всякой профессии. И... об этом можно и надо петь! Воспевать труд, как творчество, как доблесть! Воспевать человеческий дух, порыв, как выражение красоты жизни, красоты человека! Воспевать патриотизм советских творцов, то есть всех советских людей, движимых единым чувством любви в Родине, порывом к счастью, движением к светлому будущему! Вот где песня звучит! В такой песне узнает себя и архитектор, и каменщик, и композитор, и исполнитель, и мастер, и рабочий, и металлург, и инженер!»

Песня должна обращаться к сердцам, а не к профессиональным признакам. Мало что хорошего выходило из песен «ведомственного» характера. А писалось их много — песни о горняках, шахтерах, железнодорожниках! Поет их народ? Очень мало, и то только в тех случаях, когда песня затрагивает какие-то общие душевные струны всех людей («Сормовская лирическая», «Дальняя сторожка», «Шахтерский вальс»).

Когда я в свое время написал «Пути-дороги», то железнодорожное издательство включило ее в сборник песен... о железнодорожном транспорте. Вы сами поймете, что это так же глупо, как глупо считать «Анну Каренину» романом на ж. д. тему из-за того, что Анна бросается под поезд. «Пути-дороги» — это песня о любви к Родине, о путях, по которым идет человек. Какую бы хорошую песню не написать об архитекторах, ее будет петь (и то неизвестно еще) только небольшой отряд советского народа. А песни надо писать только для всего народа. К этому и стремлюсь я лично...»

— Эту же тему Исаак Осипович подробно развивал и во время нашей единственной встречи летом 1954 года, — говорит Н. Ивашкина. — Свои соображения он подкреплял множеством примеров из произведений различных композиторов, в том числе и азербайджанских, с творчеством которых был хорошо знаком. Он жадно расспрашивал о Баку, в котором был еще до войны, мечтал приехать сюда на гастроли. Свое последнее письмо ко мне он закончил фразой:

«Уж в этом сезоне я наверняка буду с концертами в Баку».

К сожалению, судьба распорядилась иначе. Летом 1955 года композитор умер. Но жизнерадостные песни его по-прежнему находят отклик в сердцах миллионов советских людей.

П. САВИН.